ШУФАНА

НОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

рики работают. Свою бригаду организовали.

Их пятеро. «Младшему» под шестьдесят. Бригада огородников.

— По стариковски работают...

Вернее — по старинке. Так, как тогда, когда земля не знала машин, как сейчас тысячи сородичей работают в недалекой Корее. Допотопный корейской сохой, на волах, вручную — мотыгой.

— Привыкли так...

— Возятся над каждой лункой. Воду из колодца ведром на себе носят. Песок — в лукошке из оврага таскают.

Седой, как пыльца тополиная, в белых штанах и рубахе, в широкополой шляпе, с неизменной трубкой в зубах, шел бороздой во главе бригады старик. С виду весь — живое воплощение своей родины. Только там, у изможденных рабским трудом людей, взгляд скрытый, затаенный, а у этого молодо смотрят глаза. За ним двое таких же молодых стариков. Переходят от лунки к лунке. Один в лунку льет воду, другой сыплет туда семена, а третий, когда впитается вода в землю, посыпает лунку песком.

— Тут будет качество, — говорит Ла Хенги, показывая на посев.

Медленно, но любовно работает бригада стариков. Каждую лунку обхаживают, как мать ребенка.

Совсем недалеки те дни, когда не было у стариков веры в колхозное дело. Не верили они пылким речам молодых, призывающих к коллективной работе, внимательно следили за каждым шагом, быстро крепнущего колхоза, много дум передумали за то время, много трубок иссосали прежде, чем решились на новую жизнь.

Сломило вдруг.

— Нас пиши!

Энтузиазм основной массы колхозников, крепкая, несокрушимая воля ее к победе, показ делом победили врожденное веками, сломили старческое неверие. И теперь старики — бригадники. Дают лучшие качественные показатели. Старого только и осталось, что навыки да приемы работы, долгими годами усвоенные.

Спросишь:

— Чей посев?

—Не скажут:

— Колхозный

Ответят:

— Наш.

И то, что старики в соревнование пошли, лучше всего говорит, как глубоко пустила корни новая жизнь. Осталка старого только и осталось, что белая рубаха, да широкополая шляпа.

Колхозники, любовно шутя, называют стариков —

— комсомольцами.

И те знают, что в этой шутке — большая похвальба. И каждый из них старается глядеть моложе, расправлять согбенную тяжелой жизнью спину, бодрей шагать по межгрядью...

Ким Саген не в этой бригаде. Его бригада — на других огородах. Вторая бригада из стариков.

— Туда пойдем... Там смотри...

Пошли по тропинкам через высохшие овраги. Везде — следы наводнения.

Вот — погибшее, занесенное песком поле.

— Перепахивать будем.

После того, как на производственном совещании колхозники решили новым посевом перекрыть посевы, погибшие от наводнения, бригады огородников приналегли. И Киму есть, что показать. О его бригаде говорят:

— Хорошо!

На производственном совещании, неустанно дымя махоркой, сосредоточенно слушали старики доклад председателя. Когда раздалось слово—прорыв, — будто хлестнул кто. Суровой складкой сморщинилось меж седыми бровями. Жадно впитывали призывные речи:

— Прорыва не должно быть! Сроку два дня!

— Старики, как и все, выйдут завтра на работу раньше обычного: решено на два часа удлинить рабочий день. И на лицах их читаешь удовлетворение:

— Правильно!

С производственного совещания расходились далеко за полночь. Темным куполом распростерлось над Корсаковкой звездное небо.

Дышит земля, жадно отдыхая в ночной прохладе.

Торопятся отдохнуть и люди: до под'ема осталось немного.

А в окне фанзы правления колхоза долго еще маячит тусклый свет семилинейки. Там бригадиры «Тихоокеанца-революционера» получают от председателя оперативные задания на завтра, обсуждают детали штурма прорыва...

А. ВИН.